

Г. СОСТАВ ФОНЕМ

§ 57. При установлении состава фонем все фонологи, независимо от принадлежности к той или иной школе, используют в качестве основного критерия способность или неспособность соответствующей пары звуков выполнять различающую функцию, что, в общем, выявляется в возможности или невозможности их употребления в одинаковой фонетической позиции. Казалось бы, что получаемые разными исследователями результаты должны совпадать, на самом же деле это далеко не так.

Во-первых, некоторые фонологи не ставят своей целью раскрыть объективные отношения, существующие в языке, так как считают это невозможным. Они стремятся лишь построить наиболее простую и, по возможности, симметричную модель. Этого можно достичь довольно простыми приемами. Например, вместо того чтобы различать в немецком языке краткие и длинные гласные, можно принять, что после гласных (непротивопоставленных по долготе и краткости!) может встречаться согласная фонема /h/ в нулевом аллофоне. Тогда слова *Stadt* и *Staat* будут различаться тем, что в первом слове конечное /t/ непосредственно примыкает к гласному, а во втором перед конечным /t/ имеется еще фонема /h/, которая реализуется в виде продления предыдущего гласного. Таким образом, состав гласных немецкого языка оказывается представленным семью фонемами вместо четырнадцати; в составе же согласных это ничего не меняет.

Можно построить и такую модель, в которой каждый долгий гласный будет представлен как два кратких, как это делает польский фонолог Адамус [195]. Такие модели будут работать безупречно, однако рассматриваемый подход неприемлем с диалектико-материалистической точки зрения, так как он не ведет к раскрытию

реально существующих в языке отношений и не дает ключа к пониманию речевой деятельности говорящих на нем людей. В случае с долгими гласными немецкого языка получаемые при таком подходе результаты опровергаются тем, что в немецком языке никогда не бывает повода разделять такие гласные на две единицы.

Во-вторых, основанием для расхождения в определении состава фонем может быть различие теорий членения звуковой последовательности (см. § 27, 30), что особенно сказывается на фонематической трактовке дифтонгов и аффрикат в разных языках. При их монофонемной трактовке число фонем языка будет, естественно, большим, чем при бифонемной.

В-третьих, различия в определении «инвентаря» фонем бывают обусловлены тем, что по-разному понимаются принципы отбора языкового материала, подлежащего анализу. Многие фонологи не считают с тем требованием, что наука должна стремиться к объяснению всех фактов, наблюдаемых в ее объекте. Они произвольно исключают из рассмотрения редкие слова, заимствования и т. п., т. е. такой материал, в котором скорее, чем в каком-либо ином, может обнаружиться динамика системы: остаточные явления или же зачатки новых фонологических отношений.

Доказательная сила всякой теории определяется тем, насколько полно она позволяет понять и объяснить то, что имеется в ее объекте. Поэтому, чем детальнее анализ, чем больше разнообразных (в том числе и редко встречающихся) фактов она может истолковать, тем она сильнее. Сказанное, безусловно, справедливо и для фонологии, особенно для установления состава фонем языка, так как достаточно одного случая, свидетельствующего о фонетической независимости соответствующих звуков, чтобы сделать заключение об их фонематической значимости. Следовательно, при определении состава фонем нужно учесть, по возможности, весь словарь языка и вообще все возможные фонетические контексты.

§ 58. Нередко какое-нибудь звуковое различие считается фонематически незначимым именно потому, что упускаются из виду редкие случаи. На игнорировании фактов основаны и некоторые выводы, касающиеся состава фонем русского языка.

Широко распространено мнение, например, что в русском языке [k] и [k'] являются комбинаторными аллофонами одной фонемы. В огромном большинстве случаев это действительно так и выглядит: непалатализованный встречается перед гласными заднего ряда (/a, o, u/), а палатализованный — перед гласными переднего ряда (/i, e/). Однако имеется несколько слов, в которых палатализованный стоит перед гласным /o/: это единственно возможные в современном литературном языке формы глагола /tkat'/ *ткать* — /tk'oš, tk'ot/ *ткѣшь, ткѣт*, не говоря уже о нелитературных /p'ek'oš, p'ek'ot/ от глагола /p'eč/ *печь*, /t'ek'oš, t'ek'ot/ от глагола /t'eč/ *течь*. Замена в них палатализованного /k'/ непалатализованным /k/, разумеется, совершенно исключена. Как можно истолковать это, если не считать, что /k'/ в приведенных словах противопоставлено /k/? Другое дело, что /k'i/, как и другие палатализованные заднеязычные, отличаются существенным ограни-

чением в дистрибуции: они не встречаются в наиболее независимом для согласного положений — в абсолютном конце слова.

Объективное рассмотрение всех этих фактов заставляет признать, что /k'/ среди согласных фонем русского языка занимает маргинальное место, что оппозиция /k/ — /k'/ представляет случай противопоставления с относительной небольшой функциональной нагрузкой. Объясняется это диахронически, а именно — недавним возникновением этой оппозиции.

Вполне естественно, что /k'/ перед гласными заднего ряда, т. е. в новой для него позиции, распространяется прежде всего в заимствованных или в новых словах. Было бы странно, если бы оно стало заменять /k/ в старых словах, если бы, например, стали говорить /k'op'/ вместо /kop'/ *копь*, /k'aša/ вместо /kaša/ *каша* и т. п. Этого можно ожидать только в случаях аналогии, подобной той, какую мы имеем в *ткёт*. Интересен случай с дистрибуцией новой фонемы /g'/ в русском языке. До недавнего времени единственным названием буквы, в которой встречался мягкий согласный, было /g'e/. Объяснялось это тем, что [g'], не противопоставленное фонематически [g], было перед гласным переднего ряда единственно возможным аллофоном. После того же как аллофоны [g] и [g'] расщепились на две фонемы, твердое /g/ заменило в названии буквы г мягкое /g'/ по аналогии со старыми названиями *бэ, вэ, дэ, зэ, тэ*. Следует заметить, что тенденция к единообразию, в этом смысле, наименованию букв вообще характерна для современного русского языка, хотя такие формы, как *кэ, рэ, лэ*, ощущаются как просторечные.

Различия в фонологической трактовке гласных /ы/ и /и/ в русском языке также объясняется различным подходом к отбору материала для анализа. Как известно, еще Бодуэн считал, что они образуют одну фонему. Эта точка зрения наиболее распространена и в наше время. В доказательство ее правильности обычно приводится то, что /и/ встречается только после палатализованных согласных, а /ы/ — только после непалатализованных, что каждый из этих гласных единственно возможен в соответствующем фонетическом положении. Следовательно, они не взаимозаменяемы. Изменение фонетических условий вызывает соответственную замену одного гласного другим: /int'er'esna/, но /b'ezynt'er'esna/, /igra/, но /vyg'e/ и т. п.

Если бы действительно не было фактов, свидетельствующих об обратном, то не могло бы возникнуть и спора по поводу их фонематической трактовки, но такие факты есть, и они говорят за то, что /и/ и /ы/ — разные фонемы. Факты эти таковы: во-первых, в одном фонетическом положении, а именно — в абсолютном начале, где встречается только /и/, оно легко может быть заменено всяким говорящим по-русски гласным /ы/; никто не затруднится произнести /ы/, /ыkra/, /ыgra/ и т. п. вместо /и/, /ikra/, /igra/; при этом нового слова не получается, но происходит разрушение слова, превращение его в бессмысленное звуко сочетание. Во-вторых, имеется один несомненный случай, когда противопоставление этих гласных используется для различения двух слов; слова эти — названия соответствующих букв

русского алфавита *и, ы*¹. Нет никакого основания отказывать этим словам в правах гражданства. В Словаре современного русского литературного языка АН СССР названия букв справедливо рассматриваются как имена существительные. Так, относительно слова *а* там сказано: «Название буквы *а* употребляется как существительное среднего рода» [147, 1].

Названия букв, правда, не имеют в русском языке форм склонения, но их нет и у многих других слов (ср. *пальто, кино* и т. п.). Зато они, подобно всем другим существительным, обладают родом; причем любопытно, что названия букв в этом отношении вполне автономны; они относятся к среднему роду (ср. *большое, прописное «И»* и т. п.), хотя сочетания *буква «и»* или *гласный «и»* подсказывают женский или мужской род.

Таким образом, в русском языке имеется, по крайней мере, одна пара слов, различие которых связано с различием гласных /*и*/ и /*ы*/. Как было показано выше, этого достаточно, чтобы убедиться в самостоятельности фонем. Однако необходимо подчеркнуть, что одна пара квазиомонимов не делает противоположение фонематически значимым; она является лишь показателем значимости, говорящим о том, что употребление /*и*/ или /*ы*/ все же связано с распознаванием слов.

§ 59. Необходимость учитывать весь лексический состав данного языка при определении состава его фонем касается всех слов, в том числе и так называемых иностранных или заимствованных; именно они бывают зачастую очень показательны, так как обнаруживают фонематические возможности заимствующего языка. Если в удэйском языке, например, в словах, заимствованных из русского, щелевой согласный [f] заменялся смычным [p], то это свидетельствовало о том, что [f] как самостоятельной фонемы в удэйском языке не было.

Особенно интересны заимствуемые слова в том отношении, что в них нередко вновь возникшие противоположения проявляются с наибольшей очевидностью. Игнорирование подобных фактов приводит к тому, что не замечают сдвигов, происходящих в составе фонем того или иного языка. Так обстоит дело с палатализованным звонким смычным заднеязычным в русском языке, о котором уже шла речь в предыдущем параграфе. К сказанному можно добавить и другие факты, говорящие о расширении дистрибуции этого согласного. Так, мы находим его в положении перед задними гласными и в слове /g'aur/ *гяур*, и в собственных именах /g'ugo/, /g'otel/ *Гюго, Гёте* и др. Эти слова заимствованы, но произношение их — русифицированное, никак не подсказанное языком, из которых они взяты; русское /g'ugo/ очень мало похоже на французское /ygo/ *Hugo*, которое не имеет в начале никакого согласного. Появление палатализованного /g'/ в таком необычном для него фонетическом положении объясняется не иноязычным влиянием, а, очевидно, тем, что оно стало в русском языке самостоя-

¹ Л. В. Щерба, ссылаясь на Д. Н. Ушакова, приводит еще одну пару квазиомонимов: глаголы *икать* и *ыкать* [190, 228—229], где *ыкать*, может быть, следует считать авторским неологизмом, вполне допустимым, если учесть употребительные в русистике глаголы *ока́ть, ака́ть, ыка́ть*.

тельной фонемой. В старых русских словах оно отсутствует потому, что противополoжение /g — g'/ возникло сравнительно недавно.

Вопрос об иноязычном влиянии на изменение состава фонем того или иного языка приобретает особое значение в Советском Союзе в связи с распространением русского языка среди многочисленных национальностей, говорящих на самых различных языках. Здесь мы имеем дело с двумя процессами, тесно переплетающимися между собой. С одной стороны, идет усиленное заимствование из русского языка, особенно в новописьменных языках, с другой стороны, широко изучается и сам русский язык, проникающий повсюду не только через школу, но и через радио и телевидение, которые имеют огромное значение для распространения правильного произношения. В результате получается массовое двуязычие смешанного типа (по терминологии Щербы), при котором говорящие владеют двумя языками [188, 54]. Русские слова в такой ситуации произносятся на русский лад, по крайней мере в том смысле, что сохраняются все фонематические различия, свойственные русскому языку.

В подобных случаях имеются все основания считать создаваемые этими словами противополoжения фонематически значимыми. Так, например, в эвенском языке звонкий щелевой переднеязычный согласный не был противополoжен соответствующему глухому, он появился с такими заимствованиями из русского, как /za'vot/ и т. п. Поскольку этот согласный бывает в различных фонетических положениях, в которых встречаются и другие эвенкийские согласные, в том числе и /s/, постольку его следует признать самостоятельной фонемой современного эвенского языка. Непризнание этого означает непризнание такого слова эвенкийским, что нельзя считать правильным, ибо никакого синонима к нему нет в этом языке.

Заимствуемое произношение играет особенно большую роль в тех случаях, когда в самом заимствующем языке имеются предпосылки для соответствующего фонематического противополoжения. Примером этому может служить эвенкий язык, в котором [s] и [h] были позиционными оттенками одной фонемы (см. § 47), причем [s] в начале слов не встречался. Вместе с русским словом /sa'v'e/ и аналогичными этот согласный проникает в эвенском в начальную позицию, где оказывается противополoженным согласному /h/. Вследствие этого старая фонема /s/h/ расщепляется на две.

Привлечение заимствованных слов требует только одной предосторожности. Необходимо убедиться в том, что испытуемый произносит так, как это требуется в заимствующем языке, а не на иноязычный лад. Так, русские, хорошо говорящие по-французски, произносят, например, слово /tembr/ без /m/ и с носовым [ẽ], но это не дает основания считать [ẽ] фонемой русского языка или даже факультативным вариантом, так как подобное произношение является более или менее осознаваемым подражанием французскому и отличается от обычного русифицированного произношения этого слова.

§ 60. Приступая к определению состава фонем языка, нужно помнить о том, что реальная речь представляет собой в звуковом отношении весьма сложную картину, далекую от той, которая подсказывается

анализом письменной речи. Л. В. Щерба еще в 1915 г. писал: «Звуковая сторона слова, которая казалась всегда такой ясной, непреложной, которая представлялась определенным ядром более или менее расплывчатых семасиологических представлений, оказывается, таким образом, сама не менее расплывчатой и неопределенной» [184, 142]. Это вполне объяснимо с точки зрения общей теории информации, оперирующей понятием избыточности языка (см. § 24). Избыточность делает возможной далеко идущую редукцию тех или иных элементов звуковой стороны языка.

В русской речи, например, нередко наблюдается сокращение гласных, частичная или полная спондизация смычных согласных, полное исчезновение какого-нибудь звука и т. п.¹ Ср.: /proulčnyj/ вместо /prouvalačnyj/ *проволачный*, /kada/ вместо /kagda/ *когда*. Как писал Щерба: «Совершенно очевидно, что тут возможно бесконечное число переходных ступеней, начиная от абсолютной ясности и четкости (например, при произношении по слогам) до небрежной скороговорки, когда все неударные слоги наполовину съедаются» [190, 202].

Речь идет здесь не о стилях, таких, как «торжественный», «деловой», «просторечный» и т. п., которые определяются экстралингвистической ситуацией [59], а о способе произнесения. Достаточно различать полный и неполный «типы произнесения», которые определяются возможностью или невозможностью однозначной фонемной интерпретации звуковых элементов произнесенных отрезков речи. Полный тип допускает такую интерпретацию, при неполном типе она невозможна. В полном типе могут быть произнесены целые предложения, отдельные слова и даже части слов — слоги. При любом стиле какая-нибудь часть слова должна быть произнесена в полном типе для того, чтобы слово в целом было опознано. Выяснение того, какая это должна быть часть слова, требует специального исследования. Для русского языка это, по-видимому, ударный слог, если это не служебная морфема, так как последняя обычно ясно вследствие избыточности текста. В общем же полным типом произнесения может быть выделена любая часть слова; если нужно, например, подчеркнуть род прилагательного, то скажут /bal'šaja/ *большая*, а не /bal'soje/ *большое*.

С понятием полного типа произнесения нельзя смешивать орфоэпическое произношение. Если в слове *язык* первый слог произнесен так, что фонемная интерпретация его не вызывает сомнений (/jazyk, jezyk, jizyk, izyk/), то перед нами во всех случаях полный тип произнесения, независимо от того, что считать орфоэпичным.

Фонетическая неопределенность, которая характеризует неполный тип произнесения, делает его непригодным для фонологического анализа. Об этом пишут Р. Якобсон и М. Халле, которые называют указанные типы произнесения «эллиптичностью» и «эксплицитностью». В их широко известной книге «Основы языка» мы читаем: «Звуковая сторона речи может быть столь же эллиптической, как и ее синтакси-

¹ В результате такого процесса в русском языке появились такие образования, как [paɪpaɪtʃ], [sansaɪtʃ], [maɪ'van:a] наряду с Павла Павлович, Александр Александрович, Мария Ивановна.

ческая структура... Неотчетливое произношение является лишь сокращенной формой четкого эксплицитного произношения, которое обладает высшей степенью информативности... При анализе состава фонем и образующих их дифференциальных признаков нужно исходить из наиболее полного максимального кода, имеющегося в распоряжении говорящего» [21, 6]¹.

Таким образом, устанавливая состав фонем языка, нужно пользоваться только тем материалом, который предоставляет исследователю полный тип произнесения.

§ 61. С фонологической точки зрения проблема определения состава фонем имеет два аспекта: прежде всего необходимо найти минимальные, кратчайшие звуковые единицы, на которые делится поток речи (синтагматический аспект); это и будут представители фонем данного языка, то, что можно назвать звуками речи или фонами (см. § 38). Далее необходимо установить, какие звуки речи представляют аллофоны разных фонем и какие относятся к одной и той же фонеме (парадигматический аспект).

Основываясь на положениях о механизме членения потока речи, изложенных в § 27—29, мы установим, что каждое из русских слов — [nɔs] *нос*, [rɔs] *рос*, [sʲuk] *сук*, [sat] *сад* — состоит из трех фонем. Но имеем ли мы в этих четырех словах 12 разных фонем или же фонемный состав в них частично совпадает? Эту процедуру сегментации показать не может. Для этого, т. е. для парадигматической идентификации фонемы и для выяснения «инвентаря» фонем данного языка, служат другие методы.

Наибольшее распространение получил, пожалуй, метод квазиомонимов или «минимальных пар», т. е. слов, различающихся только одной фонемой. Определение состава фонем превращается в отыскание таких пар слов. Найдут одну пару таких слов и считают вопрос решенным; отсутствие такой пары принимают за доказательство отсутствия фонологического противопоставления. Можно сказать, что в минимальных парах многие видят не только доказательство фонемного различия, но и обязательное условие для того, чтобы такое различие возникло в данном языке. И. И. Ревзин писал об этом: «В самом деле, если отвлечься от всяких терминологических тонкостей, то обычное определение сводится к следующему. Два звука принадлежат разным фонемам, если имеется хотя бы одна пара слов, различающихся только этими звуками и имеющих разное лексическое значение» [134, 80].

Преувеличению важности минимальных пар противоречит широко распространенное в языках явление омонимии, которая не мешает свободному функционированию языка благодаря свойственной ему избыточности. Только так можно объяснить огромный рост числа омонимов, засвидетельствованный в истории ряда языков.

Против гипертрофии метода квазиомонимов Щерба выдвигает такие соображения: «Некоторые фонологи полагают, что противоположениями можно считать лишь противоположения целых слов, но дело

¹ Эти формулировки сходны с тем, что писал в этой связи Л. В. Щерба.

обстоит, несомненно, сложнее. Конечно, для доказательства наличия противопоставления той или другой пары фонем такие квазиомонимы убедительнее всего. Но надо помнить, что их может случайно не оказаться. Вообще же в языке достаточно противопоставления двух звуков в сходных фонетических условиях для того, чтобы они играли роль отдельных фонем. Удельный вес тех или других фонем тоже не определяется специально квазиомонимами: если эти последние по смыслу никогда не сталкиваются, а следовательно, практически никогда не могут смешиваться, то роль их ничтожна, тогда как некоторая частичная омонимность может оказаться гораздо более важной» [16, 56].

Замечание Щербы о том, что «для доказательства наличия противопоставления... фонем... квазиомонимы убедительнее всего», не вполне справедливо. Безусловно, доказательным оно является только в одном случае, а именно тогда, когда слова в данной паре состоят только из одной фонемы, как, например, русские союзы *а* и *и*. В таком случае, действительно, достаточно одной пары слов, чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с двумя различными фонемами. Если же слова состоят более чем из одной фонемы, то этот метод оказывается ненадежным, так как различаться будут не только исследуемые звуки, но и соседние (см. главу V); тогда мы не в состоянии будем решить, какое же из этих звуковых различий является фонематически значимым.

Возьмем ряд пар слов русского языка: [ʏk — l'ʏk], [ʏot — l'ʏot], [ʏoʒa — l'ʏoʒa] и т. п.¹; слова каждой из них различаются в двух отношениях: в первой паре одно из слов имеет непалатализованное [ʏ] и чистый гласный, второе — палатализованное [l'] и дифтонгоидный гласный, начинающийся с призвука [y]. Во второй и третьей парах первые слова имеют непалатализованное [ʏ] и дифтонгоидный гласный, начинающийся с элемента [u], вторые слова — палатализованное [l'] и дифтонгоидный гласный, начинающийся с элемента [y]. Таким образом, появление палатализованного [l'] во всех перечисленных парах связано с наличием у гласного призвука [y]. Поэтому, как бы мы ни увеличивали число подобных пар слов, мы не получим ответа на вопрос, являются ли согласные [ʏ], [l'] самостоятельными фонемами, а гласные [u]/[y], [ʏo]/[ʏo] зависящими от соседства с ними комбинаторными аллофонами, или же, наоборот: [u], [y], [ʏo], [ʏo] — отдельные фонемы, а [ʏ], [l'] — комбинаторные аллофоны.

Для доказательства того, что согласные [ʏ] и [l'] действительно являются разными фонемами (точнее говоря, относятся к разным фонемам) в русском языке, необходимо привлечь еще и такие случаи, когда указанные согласные встречаются не в положении перед гласными. Такие пары слов, как /ʏol/ — /ʏol'/, /ʏol/ — /ʏol'/, /ʏyl/ — /ʏyl'/ и т. п., покажут, что рассматриваемое различие между согласными не зависит от последующего гласного. Полную уверенность в правильности решения мы получим тогда, когда убедимся в том, что в независимом фонетическом положении, а именно в абсолютном начале слов, указанного различия между гласными нет.

¹ Слова даны здесь в фонетической транскрипции, так как до установления состава фонем фонологическая транскрипция невозможна.

Следует заметить, что работа с парами слов требует очень внимательного отношения к случаям омонимии. Поскольку фонематическое различие пары звуков может опираться иногда на самые ничтожные произносительно-слуховые различия, постольку исследователь не должен в соответствующих случаях полагаться на собственный слух, а должен прибегать к эксперименту для определения восприятия анализируемого различия носителями данного языка.

Ставить испытываемому прямой вопрос, различается ли произношение таких-то слов, значит превращать эксперимент из фонетического в психологический. Чтобы избежать этого, нужно привлекать несколько испытуемых. Один должен произносить сомнительные слова, повторяя их несколько раз в произвольном порядке, а другие — записывать значение слышанного условными знаками. Можно, разумеется, пользоваться в таких опытах и магнитофонной записью. Если слушающий будет сомневаться в том, что ему писать, или запишет слова в ином порядке, чем они были произнесены, то это означает, что они действительно являются омонимами. Если же слушающий запишет слова в том порядке, в каком они были произнесены, то это будет свидетельствовать о кажущейся омонимии.

§ 62. При определении фонологического статуса двух разных звуков стремятся решить, зависит ли данное звуковое различие от механизма произношения, т. е. комбинаторных или позиционных условий, или нет. Разумеется, что только независимые звуковые различия могут быть использованы для смысловоразличительных целей. Следовательно, если в языке имеются слова, в которых рассматриваемая пара звуков встречается в одинаковом или даже только сходном фонетическом положении, то эти звуки относятся к двум разным фонемам.

Важно иметь в виду, что достаточно найти не одинаковые, а хотя бы сходные фонетические положения. Предположим, что в русском языке в пару к слову /son/ не нашлось бы для определения фонематической значимости противоположения /n/ — /n'/ слова /kop'/, а имелось бы только слово /lap'/. Сопоставление /son/ и /lap'/ было бы достаточно убедительным, так как палатализация не может быть вызвана положением после гласного /a/; слово /s'in'/, напротив, не подошло бы в данном случае, так как можно было бы подозревать, что палатализация /n'/ обусловлена предшествующим /i/ (см. гл. V).

Фонетическая независимость этих согласных в русском языке доказывается также и их взаимозаменяемостью, по другой терминологии — коммутацией [256, 103]. Так, по-русски вполне можно произнести /son'/ и /kop/ вместо /son/ и /kop'/; то, что при этом получаются новые слова, служит лишним доказательством смысловоразличительной функции этих согласных. Не менее показательны в этом отношении и такие случаи, когда при подстановке другого звука вместо слова получается бессмысленное звуко сочетание. Так, если заменить палатализованным /n'/ непалатализованное /n/, например в слове /fon/, то слово будет «разрушено», так как /fon'/ ничего по-русски не означает.

Взаимозаменяемости в одинаковой фонетической позиции звуков, представляющих разные фонемы, противостоит взаимоисключенность

(дополнительная дистрибуция) звуков, представляющих аллофоны одной фонемы. Как указывалось в § 40, каждый аллофон является единственно возможным в соответствующем положении. Перед гласным /u/ в русском языке возможен только лабиализованный согласный; перед /a/ — только нелабиализованный согласный (ср. [t^uut] *тут* и [t^aat] *там*). После палатализованных согласных возможно только дифтонгоидное [aⁱl]([rⁱat] *ряд*). Взаимозаменяемость аллофонов здесь, следовательно, исключена. Отсюда вывод: если испытуемый может заменять рассматриваемые два звука один другим, то они являются коррелятами разных фонем; если же испытуемый подобной замены произвести не может, то соответствующие звуки следует признать аллофонами одной фонемы.

Взаимозаменяемость и дополнительная дистрибуция не являются еще достаточным критерием для решения вопроса о фонематическом статусе данного звукового различия. Взаимозаменяемость только в том случае может служить доказательством фонематической значимости данного противоположения, когда приводит к изменению слова или к его разрушению. Если же это не имеет места, то перед нами свободное варьирование фонемы, ее факультативные варианты. В современном русском языке (здесь имеется в виду новейшее время), например, возможно двоякое произношение слов {¹boga} и {¹boʁa}, {ba^gatɨj} и {ba^ʁatɨj}¹; согласные {g} и {ʁ} здесь взаимозаменяемы, но замена одного другим на значение слова не влияет. Так как в русском языке нет ни одного слова, в котором замена {g} согласным {ʁ}, и наоборот, вызывала бы разрушение слова или появление нового, то эти согласные, следовательно, не представляют разные фонемы (хотя и обладают фонетической независимостью), а являются факультативными вариантами одной фонемы.

Равным образом и дополнительная дистрибуция сама по себе не означает того, что перед нами аллофоны одной фонемы. Ярким примером являются в ряде языков (английском, немецком, якутском, например) согласные /h/ и /ŋ/, из которых первый встречается только в начале слога, а второй — только в конце, и которые тем не менее, по всеобщему признанию, представляют разные фонемы, а не одну. Этот пример стал, можно сказать, хрестоматийным.

Недостаточность дистрибуционного критерия для решения вопроса о сопринадлежности аллофонов одной фонеме была ясна еще Трубецкому, который поэтому дополняет его неожиданным образом критерием физического сходства рассматриваемых звуков. Он пишет: «Если два акустически (или артикуляторно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы» [12, 56]. Такую же формулировку, по существу, мы находим и у Джоунза, и у американских дескриптивистов [239, 294].

Наблюдаемое в рассматриваемом фундаментальном вопросе отступление от лингвистического критерия находится в резком противоречии с основным положением фонологии, согласно которому а к у -

¹ Иногда оба варианта произношения встречаются у одних и тех же людей.

стико-артикуляторное сходство или различие звуков не определяет их фонематического статуса. При анализе явления свободного варьирования все исходят из этого положения. Нельзя о нем забывать и в случае дополнительной дистрибуции. Если при свободном варьировании единство фонемы обусловлено тождеством слов, в которых может выступать любой из факультативных вариантов, то и при дополнительной дистрибуции аллофоны одной фонемы должны быть связаны тождеством языковой единицы, в которой они встречаются. Иными словами: для того, чтобы два звука были аллофонами одной фонемы, они должны быть связаны отношением дополнительной дистрибуции в пределах хотя бы одной морфемы данного языка.

Например, лабиализованное [s^o], возможное в русском языке только перед губными гласными, и нелабиализованное [s], возможное во всех других позициях, образуют аллофоны одной фонемы благодаря тому, что они в ряде случаев чередуются в одной и той же морфеме; например: [ka'sa] *коса* — [ka's^ou] *косу* или [sak'na] *с окна* — [s^oul'icy] *с улицы*. Напротив, согласные «һ» и «җ» в указанных выше языках никогда не встречаются в одной и той же морфеме, а потому и являются разными фонемами в них, хотя и находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

Необходимо подчеркнуть, что дело здесь не в степени акустико-артикуляторного различия. Так, гласный [a] между двумя мягкими согласными акустически менее сходен с [a] между двумя твердыми, чем с [e] между твердыми; однако только первые могут быть связаны в русском языке через значимые единицы (ср. [pa'satka] *посадка* — [s'æt'] *сядь*); поэтому именно они относятся к одной фонеме как ее аллофоны.

§ 63. Определяя состав фонем данного языка, необходимо иметь в виду, что один звук может иногда представлять сочетание двух фонем. При этом возможны два случая. В первом этот звук встречается только в такой позиции, в которой соответствующее сочетание невозможно. Факт взаимоисключающего употребления (наличие дополнительной дистрибуции) отдельного звука со звукомсочетанием может не обратить на себя внимание на первых порах. Так, в среднеобском диалекте хантыйского языка в конце слов после гласных имеются глухие смычные носовые [m], [n], [ŋ]. В той же позиции встречаются и звонкие носовые, благодаря чему глухие и звонкие противопоставлены в одном и том же фонетическом положении; например: [am] 'собака' — [jam] 'хороший', [an] 'нет' — [johan] 'река', [peŋ] 'зуб' — [veŋ] 'зять' и др. Из этого можно было бы заключить, что глухие носовые представляют особые фонемы в среднеобском диалекте хантыйского языка. Однако такой вывод был бы преждевременным. Дело в том, что глухие носовые, встречающиеся только в исходе слова, чередуются с сочетаниями звонких носовых плюс глухие смычные: [am] — [ampra] 'собака' — 'собака', [peŋ] — [peŋka] 'зуб' — 'зубу', [an] — [anta] два варианта отрицания 'нет'. Поскольку глухие носовые находятся в отношении дополнительной дистрибуции с указанными сочетаниями, они должны

рассматриваться не как особые фонемы, а как позиционные варианты этих сочетаний.

Так же обстоит дело с русским закрытым [o] в слове ['sonce] *солнце*, как показал Трубецкой. Когда в однокоренных словах носовой оказывается без следующего за ним согласного, то [o] заменяется сочетанием [ɔl]; например: ['sɔln'eʃnyj] *солнечный*, [sɔl'nyʂka] *солнышко*. Таким образом, закрытое [o] представляет собой в русском языке комбинаторный вариант сочетания фонем /ol/.

Во втором случае простой звук может встречаться в тех же фонетических положениях, что и соответствующее сочетание. Такой случай представляют какуминальные согласные [t], [d], [l], [ŋ], [ʂ] в шведском языке, которые произносятся в неполном типе вместо сочетания фонемы /r/ с последующим дорсальным согласным ([rt], [rd], [rl], [rn], [rs]). Всякое слово, содержащее какуминальный согласный, может быть произнесено в полном типе и с соответствующим сочетанием; например: [smæt] и [smært] *smärt* 'боль', [hœŋ] и [hœrn] *hörn* 'угол' и т. п. Таким образом, какуминальные согласные в шведском языке являются стилистическим вариантом произношения соответствующих сочетаний /r/ с дорсальными согласными [81, 199].